

**ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ И АКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МОБИЛИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В ЯНВАРЕ 2022 ГОДА**

Сведения об авторе:

**ДАВЫДОВА Мария
Александровна**

e-mail: marchikdavydova@mail.ru

ORCID 0000-0003-3377-7679

SPIN-код: 4462-1240,

AuthorID: 1110822,

ассистент кафедры
политологии

¹Финансовый универси-
тет при Правительстве
РФ, адрес: 125993,
Россия; г. Москва,
Ленинградский просп.,
д. 49.

Аннотация. Цель статьи состоит в определении использованных триггеров, вовлеченных акторов и примененных манипулятивных технологий для мобилизации политических протестов в социальных медиа Республики Казахстан в январе 2022 года.

Исследование строилось в рамках гибридной стратегии с применением ивент-анализа и когнитивного картирования. Ивент-анализ позволил определить события, ставшие триггером для запуска протестной активности, а также акторов и характеристики их деятельности в рамках мобилизации протестов. Когнитивное картирование позволило определить содержательные особенности информационного потока, а также выявить манипулятивные технологии, которые применялись для мобилизации массовых протестов.

Исследование позволило определить триггеры, которые запустили протестную активность в Казахстане. Автором установлено, что первичным триггером стали обострившиеся экономические проблемы в части роста цен на энергоносители, вторичным триггером стали решения, принятые органами государственной власти, а также действия правоохранительных органов. Проведенный анализ дал возможность установить основных акторов протестной активности – граждан, которые являются движущей силой протестов. Автором установлено, что особую роль в мобилизации протестов выполняют представители правоохранительных органов: их действия могут становиться триггером для активизации или, наоборот, замедления протестных действий. Лидеры общественного мнения в ходе протестов выполняют роль рупора, основная задача которого – распространение информации протестного характера, вовлечение различных групп населения в протестные информационные потоки. Автором обозначено, что протесты могут проходить без фактического участия акторов, осуществляющих мобилизацию и модерацию протестов. Анализ содержательных характеристик информационного потока показал применение разнообразных аффективных приемов, которые решают задачу по формированию у пользователей определенной модели восприятия событий.

В результате исследования политической мобилизации массовых протестов в Республике Казахстан в январе 2022 года были установлены триггеры, структура акторов, а также основные манипулятивные технологии, которые позволили обеспечить протестную мобилизацию различных групп пользователей.

Ключевые слова: политический протест, репертуар протестной активности, социальные и политические деятели, триггеры протеста, протестная мобилизация, социальные медиа

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Цит.: Давыдова М.А. Протестная активность и акторы политической мобилизации в социальных медиа Республики Казахстан в январе 2022 года // Среднерусский вестник общественных наук. – 2024. – Том 19. – №31. – С. 141–159. –DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-4-141-159. –EDN: RRXGTP

© Давыдова М.А., 2024 г.

PROTEST ACTIVITY AND ACTORS OF POLITICAL MOBILIZATION IN SOCIAL MEDIA OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN IN JANUARY 2022

About the author:

Maria A. Davydova,

e-mail: marchikdavydova@mail.ru

ORCID 0000-0003-3377-7679

SPIN-код: 4462-1240,

AuthorID: 1110822,

Assistant of the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow)

Abstract. The purpose of the article is to determine the triggers used, the actors involved, and the manipulative technologies applied to mobilize political protests in social media of the Republic of Kazakhstan in January 2022.

The study was based on a hybrid strategy using event analysis and cognitive mapping. Event analysis allowed us to identify the events that triggered the protest activity, as well as the actors and characteristics of their activities in the context of protest mobilization. Cognitive mapping allowed us to determine the substantive features of the information flow, as well as to identify the manipulative technologies that were used to mobilize mass protests.

The study allowed us to identify the triggers that launched protest activity in Kazakhstan. The author found that the primary trigger was the aggravated economic problems in terms of rising energy prices, the secondary trigger was the decisions taken by government bodies, as well as the actions of law enforcement agencies. The analysis made it possible to identify the main actors of protest activity - citizens who are the driving force behind the protests. The author found that law enforcement officials play a special role in mobilizing protests; their actions can become a trigger for activating or, conversely, slowing down protest actions. Opinion leaders during protests act as a mouthpiece, the main task of which is to disseminate protest information and involve various groups of the population in protest information flows. The author noted that protests can take place without the actual participation of actors mobilizing and moderating protests. An analysis of the substantive characteristics of the information flow showed the use of various affective techniques that solve the problem of forming a certain model of perception of events among users.

As a result of the study of the political mobilization of mass protests in the Republic of Kazakhstan in January 2022, triggers, the structure of actors, and the main manipulative technologies were identified that made it possible to ensure the protest mobilization of various user groups.

Keywords: political protest, repertoire of protest activity, social and political actors, protest triggers, protest mobilization, social media

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

For citations: Davydova, M. A. (2024) Protest activity and actors of political mobilization in social media of the Republic of Kazakhstan in January 2022. *Central Russian Journal of Social Sciences*. Volume 18, no. 6. P.-141– 159. Volume 19, no.4, p.141-159. (In Russ.) –DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-4-141-159. – EDN: RRRGTP

Введение

В современной действительности политический порядок всё чаще подвергается воздействию со стороны различных неконвенциональных политических процессов, в том числе массовых политических протестов. Аспекты, связанные с мобилизацией и управлением протестами, наиболее часто локализуются в интернет-пространстве. Триггерами протестной активности становятся различные причины: экономические, связанные с нестабильностью экономики, ростом цен, низким благосостоянием; политические, связанные с несогласием с реализуемой политикой, а также с внутри- и внешнеполитическими процессами; социальные, связанные с состоянием различных сфер от образования до медицины; внешнеполитические, связанные с информационным давлением извне, складывающейся на международной арене ситуацией; экологические, где триггером выступают природные катаклизмы и принимаемые в связи с этим решения. Кроме того, особую роль в мобилизации политических протестов играют акторы, вовлеченные в мобилизацию и модерацию протестной активности, а также манипулятивные технологии, которые используются для запуска неконвенциональных форматов.

В Республике Казахстан в январе 2022 года произошли массовые протесты, которые стартовали как протесты экономической направленности. Причиной стало повышение цен на энергоресурсы. Позднее протесты приобрели политический характер и переросли в попытку государственного переворота. В связи с территориальной близостью к России, а также частичным пересечением информационных пространств актуализируется вопрос о том, какие триггеры использовались, акторы были вовлечены, манипулятивные технологии применялись для предупреждения подобной протестной активности в Российской Федерации.

Теоретико-методологическая основа исследования. В рамках теоретической основы исследования необходимо дать определение политическому протесту. Традиционно данный термин определяется как совокупность действий, реализуемых группой, нацеленной на трансформацию системы власти, политических решений и/или структуры взаимоотношений между органами государственной власти и гражданами страны. Именно такое понимание вкладывают в представления о политических протестах американские исследователи Дж. Дженкинс и Б. Кландерманс, которые реализуют сравнительное исследование коллективных политических

действий в различных странах. Подобный подход позволяет говорить о причинах возникновения и развития политических протестов, но не включает в себя мобилизационные аспекты, которые определяют активизацию протестной деятельности. В рамках политической мобилизации в основу исследования легли работы Дж. Маккарти и М. Зальда, А. Обершола, Ч. Тилли, Д. Маккадама, К. Дойча, А. Хиршмана. Протестная активность в рамках данной теории рассматривается как рациональный институционализированный вызов недовольных групп, как конфликт между интересами органов власти и общества. Отсюда Дж. Маккарти и М. Зальд считают, что материальное благосостояние и уровень экономического развития оказывают существенное воздействие на социальные протесты. Для обществ с высоким уровнем экономического развития характерны узкоцелевые движения, носящие реформаторский характер [Zald, 1987]. Для обществ с низким уровнем экономического развития и, соответственно, низким уровнем благосостояния населения характерны радикальные протесты, преследующие широкие цели. Отсюда для богатых обществ ресурсами протестов являются деньги и время. Говоря о государствах с развивающимися экономиками, мы встречаем гибриды протестных форматов: с одной стороны, широкие цели, с другой – не радикальный характер протеста.

Исследователи по-разному рассматривают основные причины, которые могут становиться основой для протестной мобилизации. В современной действительности политический протест является одним из инструментов воздействия на политические и социальные процессы. Генезис политических протестов является объектом различных исследований зарубежных и отечественных авторов. Так, Р. Мертон среди факторов развития мятежей и протестов выделяет аномию, понимаемую как дисфункцию общественных процессов. Причиной аномии является разрыв между желаемыми целями и невозможностью их получения ввиду недоступности применения только нормативных методов. Мятеж у Мертона – это приспособление к действительности, в которой существующая система является препятствием для достижения законных целей. То есть фактически развитие мятежей у Мертона связано с несправляющимися или искусственно ограничивающими действиями системы [Мертон, 1992]. В ситуации с казахстанским кейсом первично протесты стали способом выразить несогласие с ростом цен, при этом формальные методы воздействия на принимаемые решения ис-

пользованы не были. Кроме того, необходимо понимать, что концепция аномии Мертона не учитывает практику использования политических протестов как способа дестабилизации политической ситуации, инструмента внешнего информационного давления или способа искусственного подрыва доверия к органам государственной власти.

Политическая мобилизация может становиться следствием политического конфликта, возникающего из-за неудовлетворенности системой. Среди причин конфликтов – недовольство групп, находящихся под внешним управлением; требование увеличения властных полномочий; нахождение властных ресурсов у утративших легитимность групп; установление режима незаконными способами; неэффективная власть. Все перечисленные выше условия могут становиться фактором или совокупностью факторов политической мобилизации. Обершол выделяет совокупность факторов, которая позволяет активизировать политическое недовольство в форме протеста, именно данные контексты становятся источником и основанием для мобилизации [Thompson, 1990].

Говоря о механизмах протестной мобилизации, Ч. Тилли, Д. Маккадам и С. Тэрроу утверждают, что она происходит на основании фреймов и конкретных структур, которые ограничиваются со стороны органов государственной власти. Первичная мобилизация протеста становится возможной из-за маркировки событий фреймами, что и обосновывает включение индивидов в протесты. При этом Тилли отмечает, что во всех обществах концентрируется латентное недовольство, возникающее на основании критичности некоторых общественных сегментов. Недовольство остается латентным до возникновения новых политических возможностей и ресурсов [Oberschall, 1973].

При этом Карл Дойч предлагает рассматривать политическую мобилизацию не только с точки зрения неконвенциональных процессов, но и как инструмент, который позволяет обеспечивать вовлечение граждан в политические процессы. Так граждане получают доступ к новым политическим ролям, неизвестным им формам политической социализации. В качестве примера конвенциональной политической мобилизации Дойч приводит электоральную мобилизацию, которая возможна в случаях соревновательных выборов. При этом К. Дойч предлагает собственную типологию, выделяя два типа мобилизации – соревновательную, которая возможна в странах с однородной политической культурой, с самостоятельными

ми и дифференцированными политическими институтами, чья задача – обеспечение согласования между населением, проводимой политикой и элитой, и авторитарный тип мобилизации, который характерен для стран с недифференцированными институтами и ролями, нацеленных на достижение лояльности через пропаганду [Deutsh, 1961].

А. Хиршман предлагает рассматривать политическую мобилизацию с точки зрения трех состояний – выхода, голоса и верности. Под верностью понимается ситуация, когда государство самостоятельно способно мобилизовать граждан на политическое участие и поддержку режима. Голос предполагает контекст, в котором граждане активно выражают свое несогласие с режимом. Выход предполагает отсутствие у граждан желания вовлекаться в политические процессы [Хиршман, 2009].

Проводя исследование, нам также необходимо учитывать цифровую специфику протестной мобилизации, так как в настоящее время протестной мобилизации локализуется преимущественно в интернет-пространстве. М. Маклюэн, М. Кастельс, Б. Уэллман, А. Аниш в своих работах рассматривают разнообразные политические процессы с точки зрения воздействия на них процессов сетевизации и цифровизации. М. Маклюэн на основании анализа происходящих с момента распространения массовой коммуникации изменений говорит о том, что формируется общественная структура нового типа, в которой информационные технологии – это ключевой ресурс, а общественная динамика обеспечивается через перманентную циркуляцию информационных потоков. Новую модель общественного устройства Маклюэн называет «глобальной деревней» [Маклюэн, 2005], согласно ей, современный мир лишен значимых ранее границ коммуникации. Возникающие технологии и инструменты массовой коммуникации существенным образом влияют на устоявшиеся традиции и устои человеческого существования.

М. Кастельс в рамках концепции сетевого общества предлагает говорить об усложнении каналов и средств коммуникации, которое происходит на основании научно-технического прогресса и становится базисом для новой модели социального и политического устройства. Основным фактором формирования новой системы становится Интернет, быстрые темпы развития которого способствуют разрушению традиционных каналов, не справляющихся с возникающей конкуренцией. Глобальная сеть является пространством для непрерывного обмена информацией между различными

акторами. Отсюда Кастельс говорит о том, что сетевое общество – это сложная инфраструктура, основанная на глобальных технических достижениях, склонная к непрерывному совершенствованию и обновлению. Виртуальное пространство приобретает национальные особенности, культурную специфику, тенденции государственного развития, что формирует новую «реальную виртуальность», которой необходим собственный язык, способный обеспечить взаимодействие субъектов, географически и культурно далеких друг от друга. Отсюда такие же особенности приобретают и неконвенциональные формы протестной активности [Кастельс, 2016]. Так, в Казахстане отмечается оперативная мобилизация с быстрой радикализацией.

Параллельно с М. Кастельсом Б. Уэллман обращается к изучению специфики взаимодействия внутри Сети. Именно Уэллман предлагает рассматривать компании и различные формы организации как сетевые структуры, а не как иерархию. В рамках такого подхода социальные структуры представляются как совокупность узлов и звеньев, связывающих различные субъекты и обеспечивающих их взаимодействие. При этом особое внимание Уэллман уделяет анализу индивидов, так как считает, что в современности индивиды становятся более автономными участниками коммуникации, поскольку сетевые структуры позволяют создавать персональные социальные сети. Все это, в свою очередь, формирует условия для диверсифицированного взаимодействия индивидов и групп [Wellman, 1983].

При этом стоит отметить, что специфика сетевого взаимодействия создает условия для концентрации политической власти в руках создателей алгоритмов, которые обладают ресурсами для управления общественным мнением [Aneesh, 2006].

Спецификой современных политических процессов является всё большая их цифровизация, что закладывает определенные изменения в то, как они реализуются и какие особенности в итоге благодаря цифровизации и сетевизации приобретают. Исследователи отмечают растущее переплетение пространств традиционной политики и цифровой среды, как следствие, потенциально возможное формирование самостоятельной фиджитальной социотехнической реальности [Володенков, 2022].

Современные исследования отмечают, что характеристики переплетения сферы традиционной политики и цифровой реальности, конструктивность и деконструктивность данных процессов в настоящее время определяются тем, как государство отвечает на

развивающиеся интернет-технологии. Исследование коллектива А. С. Ахременко показало, что максимальная численность протестующих достигается при высоком уровне свободного интернета, при этом чем выше ограничения в интернет-пространстве, тем ниже уровень протестной активности [Беленков, 2024].

В политической мобилизации массовых протестов особую роль играют манипулятивные технологии, которые используются для управления установками, мнением, отношением к конкретным ситуациям и событиям. Дж. Томпсон изучает то, как СМИ влияют на формирование современных обществ. Коммуникативные процессы связываются с социальными контекстами. Томпсон выделяет различные способы управления идеологиями, под которыми он понимает возможность установления и поддержания отношений доминирования. Среди основных способов выделяет такие, как легитимация, которая может быть построена на рационализации (построение логической цепочки утверждений), универсализации (всеобщие институциональные образования), нарративизации (различные повествования, позволяющие пересмотреть прошлый опыт и настоящее в качестве вневременной традиции); сокрытие, т. е. отрицание, отвлечение от реальных процессов; унификация через конструирование на символическом уровне форм коллективного единства индивидов; фрагментация (подразумевает поддержание за счет разделения индивидов и групп, формирование образа врага); реификация, т. е. сохранение доминирования за счет состояния дел в конкретной ситуации во вневременном масштабе [Thompson, 1990].

Также среди российских исследователей изучением аспектов манипуляции занимается коллектив Е. В. Бродовской, А. Ю. Домбровской, А. С. Огнева и др., которые выделяют два направления влияния на сознание пользователей: эмоциональное и рациональное воздействие¹. Среди эмоциональных технологий выделяются внушение и заражение, среди рациональных – убеждение. В свою очередь, к приемам заражения относятся, например, «расчет на установку подражать», «прогрев аудитории» и др.; к приемам внушения – «эмоциональная стереотипизация», «ценностное камуфлирование», «обесценивание» и т. д.; для убеждения характерны такие приемы, как «псевдорациональная стереотипизация», «обеспечение согласия с продвигаемым мнением» [Домбровская, 2022].

---

¹ Домбровская А. Ю. Гражданский активизм молодежи в современной России: особенности проявления в онлайн- и офлайн-средах (по результатам эмпирического исследования) // Власть. 2020. Т. 28, № 2. С. 51–58. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7134>

Методология исследования базируется на положениях постбихевиорализма и нового институционализма в социологической версии. Применение постбихевиорализма обуславливается тем, что технологии протестной мобилизации усложняются, требуют значительно меньше человеческого вмешательства и вместе с тем увеличивают мобилизационную эффективность, расширяя количество непосредственных участников массовых акций. При этом на данный момент отсутствуют оптимальные протестные стратегии, которые позволили бы обеспечивать эффективную демобилизацию массовых акций. Мы должны концентрироваться на используемых мобилизационных технологиях, учитывающих ценности, установки, окружающую обстановку, а также их поведенческие характеристики. В свою очередь, новый институционализм в социологической версии позволяет рассматривать политические протесты как один из элементов современных обществ, связанных близко с гражданским активизмом, органами государственной власти, институтом выборов и т. д. В условиях современной реальности неинституционализм формирует новые требования к институтам – обновление и интеграция в новую реальность. Традиционно для институтов характерны фиксированные нормы, правила, традиции, принципы взаимодействия и коммуникации, самое главное, отсутствие ориентиров на радикальные преобразования. При этом в условиях динамики внешних факторов формируются условия для деконструкции и деформализации, что становится основой для внутренних трансформаций институтов. Трансформация современных политических протестов, происходящая под воздействием развития цифрового пространства, и появление новых типов и инструментов протестов являются одним из примеров приспособления, интеграции данного института в новую реальность. Решаемое социологической версией нового институционализма противоречие напрямую связано с соотношением формальных и неформальных составляющих в процессе политической мобилизации массовых протестов и попыток их мобилизации.

Методика исследования. Исследование реализовывалось посредством применения ивент-анализа и когнитивного картирования. Ивент-анализ проводился на основании анализа пиков информационной активности, которые были выделены с помощью инструмента социально-медийной аналитики IQBuzz, а также сервиса анализа поисковых запросов Google.Trends. Далее события, а также их репрезентация в социальных медиа были проанализированы с

точки зрения акторов, динамики развития событий и технологий, которые использовались для мобилизации массовых протестов. Также было применено когнитивное картирование, которое позволило установить основные содержательные и технологические особенности информационных потоков, формируемых протестными акторами и новостными агрегаторами, что позволило определить специфику подачи сообщения, ключевых адресатов, а также применяемые приемы, механизмы и технологии. Датасет когнитивного картирования составил 200 публикаций в социально-медийном пространстве.

Результаты исследования

Политическая мобилизация неконвенциональной активности пользователей предполагает использование определенного репертуара и вовлечения различных социально-политических акторов. В этой связи для установления специфики подобной политической мобилизации были проанализированы акторы, вовлеченные в процесс неконвенциональной политической активности, а также те триггеры и технологии, которые применялись для вовлечения различных групп пользователей в протест.

Так, ивент-анализ неконвенциональной политической активности в январе 2022 г. в Казахстане показал, что триггером для протестов стал рост цен на сжиженный газ. 2 января жители Жанаозена перекрывают дорогу в связи с несогласием с ростом цен. 3 января около тысячи жителей Жанаозена выходят на центральную площадь города. 4 января были запущены протесты по всему Казахстану, начинаются стычки с представителями органов правопорядка. 5 января Президент Казахстана вводит режим чрезвычайного положения, начинаются ограничения в функционировании Интернета, действующее правительство уходит в отставку, Президент Казахстана запрашивает помощь ОДКБ. 6 января вводится режим антитеррористической операции при участии ОДКБ. 7 января президент Токаев выступает с обращением и отдает приказ открывать огонь на поражение по террористам. 8 января сопротивление протестующих продолжается. 9 января публикуется информация о количестве погибших. 10 января объявляется общенациональный траур по погибшим. 11 января подведены итоги массовых акций, по которым около 10 тысяч митингующих были задержаны. Можно утверждать, что первичным триггером для политической мобилизации стали экономические проблемы, связанные с ростом цен на энергоносители, вторичным триггером стали столкновения с представителями

органами правопорядка, ограничения работы Интернета и привлечение для урегулирования ситуации сил ОДКБ.

Необходимо учитывать, что подача триггеров в рамках протестов в Казахстане происходит преимущественно с точки зрения эмоциональных приемов, построенных на негативной оценке действий органов государственной власти, силовых методов правоохранительных органов, на отсутствии реальной сменяемости власти, коррупции. При этом смешанные приемы применяются в контексте роста цен, уровня жизни, экономического благосостояния, состояние которых стало одним из ключевых триггеров мобилизации протестной активности (табл. 1).

Таблица 1 – Приемы подачи протестных триггеров в социальных медиа РК в 2022 г.

Table 1 – Methods of submitting protest triggers in social media of the Republic of Kazakhstan 2022

Кейс/Специфика подачи	Эмоциональная	Рациональная	Смешанная
Протесты в Казахстане в 2022 г.	80 %	0 %	20 %

Протестная мобилизация в Казахстане и распространение протестной активности по всей стране происходит достаточно оперативно, непосредственно рост цен запускает протесты в тот же день, несмотря на новогодние праздники. При этом в ходе протестов в Казахстане со стороны органов государственной власти особое внимание уделяется «итогам» протестов, количеству погибших, раненых, задержанных, финансовых потерь, что становится одним из способов предупреждения в будущем подобной активности (табл. 2).

Таблица 2 – Этап мобилизации протестных информационных потоков РК в 2022 г.

Table 2 – Stage of mobilization of protest information flows of the Republic of Kazakhstan in 2022

Кейс/Этап протестов	Мобилизация	Модерация	Подведение итогов
Протесты в Казахстане в 2022 г.	10 %	90 %	0 %

Протесты в Казахстане характеризуются отсутствием непосредственных лидеров и модераторов, протестные движения в конкретном городе характеризуются наличием собственных планов и механики действий. При этом некоторые представители оппозиционных сообществ предпринимают попытку принятия управления протестами, но успеха в этом не достигают.

Большинство протестных действий происходит в офлайн-формате, что обуславливается достаточно большим числом протестных акций и действий в разных городах Казахстана, а стихийный характер этих действий определяет сопровождающий характер цифровой активности.

Важным аспектом политической мобилизации массовых протестов в социально-медийном пространстве являются акторы, которые в данный процесс вовлечены. Упоминание или вовлечение различных политических и неполитических акторов определяет масштабность общественного резонанса, вовлеченность представителей различных социально-демографических групп и специфику демобилизации протестной активности.

Для оценки ключевых акторов, вовлеченных в протестные информационные потоки, был применен ивент-анализ.

Таблица 3 – Типы акторов, упоминаемых в протестных информационных потоках РК в 2022 г.

Table 3 – Types of actors mentioned in the protest information flows of the Republic of Kazakhstan in 2022

Кейс/ Тип актора	Органы государственной власти	Иностран- ные акторы	Право- охранитель- ные органы	Оппо- зиция	ЛОМы	Гражда- не
Протесты в Казахстане в 2022 г.	60 %	0 %	0 %	0 %	0 %	40 %

Ключевыми акторами в неконвенциональной активности в Республике Казахстан в 2020 году стали органы государственной власти и граждане, существенное влияние на развитие ситуации оказали также иностранные акторы в лице ОДКБ, правоохранительных органов и оппозиции (табл. 3).

Запуск протестных акций начали граждане, которые выразили несогласие с ростом цен на энергоресурсы. При этом если первые

дни характеризуются относительно мирными акциями, постепенно охватившими весь Казахстан, то впоследствии акции трансформируются в вооруженные столкновения с силовыми структурами, акты вандализма, массовые разрушения и попытку государственного переворота.

Оппозиционные акторы в лице, например, М. Аблязова пытались «брать ответственность» за запуск массовых протестов и осуществлять их модерацию, но в целом им это не удалось с силу стихийного, неуправляемого характера. После перерастания протестов в госпереворот оппозиция предприняла попытку по дистанцированию от граждан, участвующих в данных процессах.

Стоит отметить, что органы государственной власти преимущественно в лице президента республики Токаева также стали важными акторами массовых протестов. Токаев генерировал официальную позицию властей, публично оповещал о принятых решениях в отношении протестующих, также инициировал решение о вмешательстве сил ОДКБ.

Еще один актор – правоохранительные органы. Несмотря на применение ими силовых методов, в отличие от других рассмотренных протестов, так называемые негуманные методы не стали причиной для повторной мобилизации массовых протестов, что во многом связано с контекстом применения подобных средств. Если в предыдущих акциях силовые методы применялись преимущественно в отношении мирных протестующих, то в данном случае силовые методы рассматриваются как способ вернуть порядок в города Казахстана, подверженные мародерству, разграблению, уничтожению городской инфраструктуры, что существенным образом сгладило восприятие действий правоохранительных структур.

Также стоит отметить, что триггером для активизации общественного недовольства стало привлечение сил ОДКБ к стабилизации ситуации, которое репрезентовалось со стороны оппозиционных акторов как попытка вмешательства других стран во внутренние дела Казахстана.

Особую роль в репертуаре протестов играют технологии подачи информации, которые позволяют формировать определенное представление о происходящих событиях, подавая их под конкретным углом. В ходе протестов, или по-другому при попытке государственного переворота, в Казахстане в январе 2022 г. в цифровых потоках традиционно преобладали публикации, в которых отсутствовали прямые указания к действиям. Такого контента было около

70 %. Несмотря на то что преимущественно протесты в Казахстане характеризовались периодом активных действий, доминирующая часть публикаций была связана с освещением действий протестующих и реакцией властей. При этом контент, который содержал прямые указания к действиям, концентрировал конкретные инструкции и планы, которые были нацелены на координацию действий протестующих (табл. 4).

Таблица 4 – Использование мобилизующих приемов в протестных информационных потоках РК в 2022 г.

Table 4 – The use of mobilizing techniques in protest information flows of the Republic of Kazakhstan in 2022

Кейс/Мобилизующие приемы	Прямые указания к действиям	Отсутствие прямых указаний к действиям
Протесты в Казахстане в 2022 г.	28,7 %	71,3 %

Контент, распространяемый оппозиционными акторами, характеризовался конвенциональностью и был нацелен на мобилизацию мирного протеста (72,7 % публикаций характеризуются конвенциональностью, 27,3 % публикаций – неконвенциональностью). При этом впоследствии происходит переход от действий мирного характера к насильственным акциям, которые носят деструктивный характер. Неконвенциональный сегмент информационного потока связан с сообщениями, нацеленными на действия протестного характера после официального ограничения, а также сообщения, которые с позитивной точки зрения оценивали и высказывали поддержку участникам госпереворота, а также акциям вандализма.

Казахстанские протесты характеризовались регулярным упоминанием различных социальных и политических акторов. В 54,7 % проанализированных публикаций упоминались политические и социальные акторы, среди которых Президент Казахстана, члены правительства, «елбасы» Н. Назарбаев, а также представители оппозиции, которые преимущественно были локализованы за пределами Казахстана.

В ходе мобилизации протестов использовались преимущественно аффективные приемы ценностного воздействия, выстроенные вокруг роста цен, падения уровня жизни и социальной неудовлетворенности, которые впоследствии трансформировались в

конкретные политические требования (таблица 5). Аффективные приемы применялись опосредованно через технологии ценностного подчинения (38,7 %), заражения (20 %), эмоциональной стереотипизации (16,7 %), дегуманизации (15,3 %). На первом этапе преимущественно применялись технологии, которые позволяли масштабировать протест на территории всего Казахстана: ценностное подчинение, заражение, эмоциональная стереотипизация. Впоследствии, после включения в демобилизацию протестов силовых структур и сил ОДКБ, более выраженно применялась технология по дегуманизации представителей органов правопорядка и органов государственной власти.

В качестве триггера преобладали действия, вокруг которых и выстраивалась информационная повестка.

Таблица 5 – Приемы ценностного воздействия, использованные в протестных информационных потоках РК в 2022 г.

Table 5 – Value impact techniques used in protest information flows of the Republic of Kazakhstan in 2022

Кейс/Приемы воздействия	ценностного	Аффективный	Смешанный	Рациональный
Протесты в 2022 г.	в Казахстане	88,7 %	3,3 %	8 %

Содержательный анализ информационных потоков о протестах в Казахстане показывает, что особую роль в мобилизации протестов, переросших в попытку государственного переворота, выполняет протестный репертуар, основой которого стали определенный набор используемых протестных триггеров, вовлеченные социально-политические акторы, а также манипулятивные технологии, которые применялись для подачи информации.

Заключение

Результаты исследования показали, что ключевым триггером мобилизации протестной активности стали экономические проблемы, актуализировавшиеся в связи с ростом цен на энергоносители. Именно данная проблематика позволила оппозиционным акторам в короткий промежуток времени обеспечить перевод онлайн-активности в офлайн. При этом экономический фактор использовался как первичный триггер, который впоследствии дополнялся вторичными триггерами, среди них – недовольство орга-

нами государственной власти и проводимой ими политикой, уровнем политической свободы, отсутствие сменяемости власти, а также действия правоохранительных органов, которые выразились в применении разнообразных силовых методов и массовых задержаний. При этом именно политические факторы стали причиной перевода протестов в попытку государственного переворота. Как показали результаты исследования, применение комплексного набора триггеров экономического, социального и политического характера становится техникой, позволяющей в короткий промежуток времени обеспечить протестную мобилизацию и перевод онлайн-активности в офлайн, кроме того, такой подход позволяет масштабировать аудиторию протеста, так как вовлекает группы, которых беспокоит общественная ситуация в различных областях.

Особую роль в мобилизации протестов в Республике Казахстан играли приемы подачи протестных триггеров и в целом формирования информационных потоков о событиях. Модераторы цифровых потоков применяли аффективные приемы ценностного воздействия в сочетании с различными манипулятивными приемами, среди которых в первую очередь использовалось ценностное подчинение. Подобный механизм действий позволил привлечь и удержать внимание, сформировать сочувствие к конкретным субъектам, объяснить необходимость включения в данную повестку. Использование аффективных приемов в информационных потоках позволило обеспечить оперативную мобилизацию, но также стало причиной для трансформации относительно мирных протестных действий в попытку государственного переворота.

В ходе протестов в Казахстане отсутствовал непосредственно узнаваемый лидер протестных акций, при этом в информационные потоки вовлекались различные неконвенциональные политические субъекты. Нужно отметить, что их участие осуществлялось в онлайн-пространстве, так как эта группа акторов преимущественно демонстрировала зарубежную локализацию. Данные субъекты выполняли роль лидеров мнений.

В целом, как показывают результаты исследования, в основе подрыва политического порядка лежит несколько важных элементов протестного репертуара: первый – наличие события-триггера, которое может стать причиной для формирования высокой степени недовольства со стороны граждан, в случае Казахстана такой причиной стал рост цен на энергоносители; второй – транзит онлайн-

---

недовольства в офлайн, заключающийся в выходе на улицы первых протестующих, которые становятся мотиваторами и символами для всех остальных участников. Особую роль в данных процессах играют онлайн-сообщества, которые публикуют первые призывы о выходе в офлайн-пространство, а также размещают инструкции с пошаговым планом действий. Третий элемент – это наличие сетки пабликов и аккаунтов, которые предоставляют информацию о происходящих событиях под определенным, выгодным им углом, что влияет на восприятие данных событий со стороны аудитории. Фактически основная задача подобного пула – освещение в реальном времени специфики развития событий, обеспечение онлайн-протеста, локализуемого в комментариях и на страницах пользователей, которые не вовлекаются в офлайн-активность. Четвертый – это оппозиционные акторы, пользующиеся авторитетом потенциально протестующих. Их вовлечение в протестные процессы позволяет масштабировать аудиторию за счет лояльных им пользователей, а также формировать лояльность к происходящим процессам за счет сформированного доверия к ЛОМу. Пятый – применение манипулятивных приемов и технологий, которые позволяют оказывать скрытое воздействие на пользователей, восприятие ими происходящих событий, а также вовлекать их в происходящие процессы.

Библиография/References:

1. Беленков В. Е., Конча В., Ахременко А.С. Влияние информационно-коммуникационных технологий на политическую стабильность в меняющемся мире: кросс-страновой количественный анализ // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 171-192. – DOI 10.31249/poln/2024.02.08. – EDN UKKQNE.
2. Володенков, С. В. Цифровизация пространства современной политики в условиях глобальных технологических трансформаций: актуальные научные подходы, модели и сценарии / С. В. Володенков, С. Н. Федорченко // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2022. – № 2. – С. 46-57. – EDN GXRFWY.
3. Домбровская А.Ю., Огнев А.С., Давыдова М.А., Кащенко Т.Л. Технологии и приемы ценностного воздействия на российских пользователей в региональных сетях социального недовольства // Власть. – 2022. – Т. 30, № 4. – С.37-42. – DOI 10.31171/vlast.v30i4.9120. – EDN GASLIM.

4. Кастельс М. Власть коммуникаций. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.
5. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. – Москва: Академический проект, 2005. – 496 с.
6. Мертон, Р. К. Социальная структура и аномия / Р. К. Мертон // Социология власти. – 2010. – № 4. – С. 212-223. – EDN MQHTBT.
7. Хиршман А.О. Выход, голос и верность: реакция на упадок фирм, организаций и государств. – Москва: Фонд «Либеральная миссия»; Новое изд-во, 2009. – 153 с.
8. Aneesh, A. Virtual migration: the programming of globalization. Durham: Duke University Press, 2006. 194 p.
9. Deutsh, K.W. (1961) Social Mobilization and Political Development. The American Political Science Review. – №3. – P. 493-514.
10. Mcadam, D., Tarrow S., Tilly C. Dynamics of Contention. Cambridge: Cambridge University press, 2004. 411 p.
11. Oberschall, A. Social conflict and social movements. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1973. 371 p.
12. Thompson, J.B. Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Cambridge: Polity Press, 1990. 362 p.
13. Wellman, B. (1983) Network analysis: some basic principles. Sociological Theory. - № 1. - P. 158-162.
14. Zald, M.N., McCarthy J.D. Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays. New Brunswick: Transaction Books. 1987. 454 p.

1. Belenkov, V. E., Koncha, V., Ahremenko, A.S. (2024) Vliyanie informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij na politicheskuyu stabil'nost' v menyayushchemsya mire: kross-stranovoj kolichestvennyj analiz. *Politicheskaya nauka*. 2024. no.2, p. 171-192. – DOI 10.31249/poln/2024.02.08. – EDN UKKQNE. (In Russ.).

2. Volodenkov, S. V. (2022) Cifrovizaciya prostranstva sovremennoj politiki v usloviyah global'nyh tekhnologicheskikh transformacij: aktual'nye nauchnye podhody, modeli i scenarii / S. V. Volodenkov, S. N. Fedorchenko. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 12: Politicheskie nauki. no. 2. –p. 46-57. – EDN GXRFWY. (In Russ.).

3. Dombrovskaya, A.YU., Ognev, A.S., Davydova. M.A., Kashchenko. T.L. (2022) Tekhnologii i priemy cennostnogo vozdejstviya na rossijskih pol'zovatelej v regional'nyh setyah social'nogo nedovol'stva. *Vlast'*. T. 30, no. 4. P.37-42. – DOI 10.31171/vlast.v30i4.9120. – EDN GASLIM. (In Russ.).

4. Kastel's, M. (2016) Vlast' kommunikacij. Moskva: Izd. dom Vys-shej shkoly ekonomiki, 564 p. (In Russ.).
5. Maklyuen, M. (2005) Galaktika Gutenberga. Stanovlenie cheloveka pechatayushchego. Moskva: Akademicheskij proekt, 496 p. (In Russ.).
6. Merton, R. K. (2010) Social'naya struktura i anomiya / R. K. Merton. Sociologiya vlasti. no. 4. p. 212-223. – EDN MQHTBT. (In Russ.).
7. Khirshman, A.O. (2009) Vыход, golos i vernost': reaktsiia na upadok firm, organizatsii i gosudarstv. Moskva: Fond «Liberal'naia missiia»; Novoe izd-vo, 153 p. (In Russ.).

Конфликт интересов: автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и/или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article

Поступила в редакцию (Received) 10.02.2024.

Поступила после рецензирования (Revised) 14.04.2023.

Принята к публикации (Accepted) 20.06.2024.